

УДК 325.14

БЕЗОПАСНОСТЬ МИГРАНТОВ И НАСЕЛЕНИЯ ПРИНИМАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИИ В ОЦЕНКАХ ЖИТЕЛЕЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ¹

О.Е. Ноянзина

(<https://orcid.org/0000-0002-1252-6021>),

С.Г. Максимова

(<https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>),

Д.А. Омельченко

(<https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>),

Е.С. Наумова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: noe@list.ru, svet-maximova@yandex.ru,
daria.omelchenko@mail.ru, naum.es@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2019)4-05

В статье использованы данные, полученные в рамках исследования особенностей проявления доверия и оценок социальной безопасности населения Алтайского края (2019, n = 621) в возрасте от 15 до 75 лет, на основе выделения в общей выборке населения региона подвыборки коренного и диаспорального сообщества, имеющего опыт транзитных перемещений. Получены как оценки личной безопасности перемещающегося населения, так и оценки безопасности регионального социума, принимающего иностранных мигрантов. Большинство респондентов, сами являясь мигрантами, не так давно принятыми в региональном сообществе, отрицательно относятся к мигрантам. Видимо, являясь гражданами России, адаптировавшись в принимающем сообществе, транзитные мигранты становятся на иные, близкие к аборигенному «стационарному» населению позиции. При этом усиливает негативное отношение к мигрантам осознание не исходящей от них угрозы, а, наоборот, ее отсутствие. В представлениях населения ощущение безопасности связано в первую очередь с присутствием мигрантов в российском приграничье, далее имеет значение распространенность негативных социальных стереотипов о миграции и мигрантах, усиливает опасность и низкий социально-экономический статус региона проживания.

***Ключевые слова:** мигранты, принимающая территория, безопасность, личная безопасность, транзитные миграции, Алтайский край.*

---

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России» (2019–2021 гг.).

SECURITY OF MIGRANTS AND POPULATION OF THE HOST TERRITORY IN EVALUATIONS OF THE ALTAI POPULATION

O.E. Noyanzina, S.G. Maximova, D.A. Omelchenko, E.S. Naumova

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: noe@list.ru, svet-maximova@yandex.ru,
daria.omelchenko@mail.ru, naum.es@mail.ru*

The given paper bases on data of research about peculiarities of the trust and evaluations of social security among population of the Altai region (2019, n = 621) at the age between 15–75 years. Basing on determination of sub-sampling of aboriginal and diaspora population having experience of transit movements in general sampling, authors revealed evaluations of as personal security of migrant population as security of regional society, hosting foreign migrants. The majority of respondents (who are migrants themselves), recently accepted in regional community, are negative against migrants. Possibly, these citizens of the Russia had adopted in host society and had occupied another, relevant with aboriginal “stationary” population positions. Herewith, the negative relation to migrants is enforced not by the understanding of threats from them (migrants), but from its absence, on the contrary. In population’s representations the feeling of unsafety is connected with the presence of migrants in the Russian borderlands, first of all; further the spread of negative social stereotypes about migration and migrants became significant, such as low social-economic status of region of residence.

Keywords: *migrants, host territory, security, personal security, transit migrations, The Altai region.*

Введение

Согласно данным ООН (2009), 215 миллионов человек в мире (или 3% населения планеты) считают, что живут за пределами стран своего рождения. Причем научная литература основной фокус внимания обращала на движение мигрантов с юга на север (или на северо-запад). Именно в таком контексте рассматривались вопросы управления миграционными потоками (в отношении миграций с юга на север). Отметим и то, что, несмотря на распространенность в стране исхода мигрантов насилия, политических преследований и торговли людьми, которые становятся причинами исхода мигрантов, более чем 9 из 10 международных мигрантов переместились по экономическим причинам. В общем и целом миграция позитивно влияет на состояние домохозяйства мигранта, направляющей страны, а также и принимающей.

Миграция — это решение, которое влияет на благополучие домохозяйства, сообщество в стране исхода и в конечном итоге — на экономику в целом различными способами (Azam and Gubert, 2006). При этом влияние миграции на благополу-

чие в стране исхода не всегда измеримо и позитивно. Миграция способна смягчать проблемы распространения бедности в стране исхода через направленные денежные переводы, стимулирование потребления, открывая доступ к финансам для начала нового бизнеса, а также через распространение знаний, технологий и ресурсов принимающей страны, которые она предоставляет мигрантам. Помимо этого, чистая финансовая выгода, миграция и денежные переводы позволяют увеличить инвестиции в здоровьесбережение и образование. Однако не все так благополучно: эксплуатация мигрантов недобросовестными работодателями широко распространена, отделение мигранта от семьи очень стрессогенно для него самого и его семьи, широкомасштабные иммиграции приводят к серьезным изменениям национальной идентичности и суверенитета.

Помимо экономического, миграция имеет социальное и культурное влияние как на принимающие, так и на направляющие сообщества, денежные переводы мигрантов становятся осязаемой и связью между миграцией и развитием (Chami, 2008). Согласно официальным оценкам, мигранты из развивающихся стран направляют «домой» ежегодно более \$ 315 млрд, что в три раза превышает размеры официальной финансовой помощи в целях развития (Chami, 2008). Реальные же размеры финансовых дотаций мигрантов существенно выше. Во времена финансовых кризисов дотации мигрантов по размерам становятся сопоставимы с частным капиталом стран, а зачастую для многих развивающихся стран становятся куда более важным источником внутреннего финансирования. В 2005 г. в рамках исследования, проведенного в 71 развивающейся стране мира, было доказано, что рост на 10% только официальных денежных переводов мигрантов приводит к сокращению бедности на 3,5% (Adams & Page, 2005). Эти доказательства получены для стран Латинской Америки, Африки, южной Азии, где зафиксировано снижение глубины и тяжести бедности, что косвенно стимулировало экономическую активность (Adams, 1991; Adams, 2006; Gupta et al., 2007), сокращение доли бедных в Непале с 42% в 1995 г. до 31% в 2004 г. (World Bank, 2006), стабилизацию как макроуровня, так и экономики домохозяйств (World Bank, 2006, Chami et al., 2009). Ряд исследований доказал, что влияние денежных дотаций мигрантов в разы усиливается во времена экономических спадов, финансовых кризисов, природных катастроф, поскольку проживающие за рубежом мигранты высылают средства для помощи своим семьям (World Bank, 2006, Yang & Choi, 2007). Миграция также оказывает влияние на снижение неравенства (Docquier et al., 2010).

В странах назначения формируются мигрантские сети, стоимость миграции для мигрантов снижается, так, что миграцию могут позволить себе уже менее обеспеченные слои населения (Docquier et al., 2010). Денежные переводы от мигрантов не только увеличивают капиталы в стране исхода, но и усиливают финансовые перемещения в целом (Toxoreus & Lensink, 2007), что улучшает состояние общего благополучия (Giuliano & Ruiz-Arranz, 2005), повышает кредитный рейтинг и внутреннюю долговую устойчивость в странах исхода (IMF, 2010).

Диаспора служит связующим звеном между направляющими и принимающими странами, расширяет возможности доступа к международному финанси-

ванию и стимулирует разнообразные социальные связи. Она также вносит вклад в развитие филантропии (Kremer & Watt, 2006) и сообщества в целом, в создание ассоциаций в целях коллективного финансирования таких проектов, как школы, учреждения здравоохранения и общественной инфраструктуры (Gott & Johnston, 2002; World Bank, 2006). Через диаспору мигранты получают доступ к информации и навыкам, а возвратные мигранты через нее могут улучшать технологии, управление и учреждения в стране исхода и т.д. Таким образом, для стран исхода диаспора — это стабильный и дешевый источник внутреннего финансирования, особенно во времена финансовых стрессов.

Методы

В работе использованы данные, полученные в рамках исследования особенностей проявления доверия и оценок социальной безопасности населения Алтайского края (2019, n = 621) в возрасте от 15 до 75 лет, проживающего в городской (41,2%) и сельской местности (58,8%). В ходе анализа феномена транзита в российском обществе в ранее проведенных исследованиях (Maximova et al., 2019) мы пришли к выводу о том, что полученные данные позволяют идентифицировать мобильное население, находящееся на очередном или финальном этапе транзитных перемещений. Акцентировать внимание только на мигрантах, не имеющих гражданства принимающей страны или «временно» (например, с целью трудовой деятельности) находящихся на ее территории, было бы не совсем верным с позиций поставленной задачи более глубокого понимания сути транзита. Проведенные ранее статистические исследования (Maximova et al., 2018) свидетельствуют о том, что в последние три десятилетия Россия стала не только транзитной страной для многих мигрантов, но и страной назначения, прежде всего для русскоязычных мигрантов. С учетом того, что транзит может длиться всю жизнь человека, среди «постоянного» местного населения также можно выделить группы транзитных мигрантов, ранее приехавших из других стран и «задержавшихся» в стране или в регионе с целью последующего перемещения, или тех, для которых Россия стала конечным этапом путешествия. Более того, в Российской Федерации сильны не только процессы межстрановых миграций, но и выражен существенный миграционный обмен между регионами. В этом контексте внутристрановые транзитные перемещения населения в поисках приемлемого места, уровня и качества жизни также заслуживают отдельного рассмотрения.

В связи с этим была сформирована отдельная подвыборка представителей населения Алтайского края, для которых их место жительства изменилось не ранее пяти лет назад и которые не были рождены в этом регионе, а приехали либо из другого субъекта Российской Федерации, либо из-за ее пределов; т.е. каждый респондент в подвыборке одновременно соответствовал двум условиям: он проживает на территории этого региона не более пяти лет и был рожден либо за пределами региона, либо за пределами страны. Таким образом, мы получили представление о гражданах России, мигрировавших в течение последних лет. С учетом повышенной мобильности данной группы населения здесь и далее будем называть их посто-

янным гражданами России, находящимися в состоянии транзита или имеющими опыт транзита.

При этом среди представителей диаспоральных сообществ доля недавних мигрантов существенно выше, чем среди коренных жителей страны. В Алтайском крае 73,5% членов диаспор являются транзитными мигрантами, среди коренного населения — 19,6% мигрантов.

Гендерная и возрастная структура транзитных мигрантов в целом повторяет композицию общей выборки и схода внутри групп диаспор и коренного населения. Во всех подвыборках самыми мобильными являются граждане России в возрасте от 30 до 49 лет. Среди представителей коренных этнических групп России (77% из которых составляют русские) более мобильны мужчины среднего возраста (37,8%) и молодые мужчины в возрасте до 29 лет. В группах старшего возраста доля мобильных женщин выше — 30,9% против 26,1% в группе мужчин. Среди диаспор в группе мужчин максимальная мобильность в средней возрастной группе (38,8%), а в группе женщин — в младшей и средней (36,4% и 36,9%).

Большая часть мигрантов, ставших постоянными жителями региона, решили остановиться на данном шаге миграции — таких большинство как среди коренного населения (59,5%), так и среди диаспор (58,2%). Вместе с тем для остальных жителей миграция не останавливается на данном шаге — они имеют намерение дальнейших перемещений. Отметим, что в большинстве случаев следующий шаг транзита — за пределы региона, в котором проживают опрошенные: 28,4% среди коренных жителей и 30,8% среди диаспор хотели бы переехать либо за пределы региона либо выехать из страны. Причем среди этнических диаспор миграционные установки более выражены: переместиться внутри региона хотели бы 5% представителей диаспор и 8,7% — представителей коренных этносов России, 30,8% членов диаспор следующий шаг миграции видят за пределами субъекта, и чуть менее — коренных жителей страны (28,4%). За пределами России находится следующий этап транзита для 3,4% представителей диаспор и 3% представителей коренных народов страны. Таким образом, население Алтайского края довольно активно в миграционных перемещениях, более 40% имеющих предшествующий опыт транзита имеют намерение дальнейшей миграции — как внутрирегиональной, так межрегиональной и международной. Другая часть опрошенных на данный момент видят в регионе проживания финальный этап транзита.

Активно перемещающиеся транзитные мигранты соответствующим образом оценивают и миграционные процессы в регионе проживания. Так, обстановку в регионе спокойной считают только чуть более трети мигрантов среди коренных жителей (36,2%) и 43,9% — недавно мигрировавших в регион представителей диаспор.

Почти треть и в той и другой группе опрошенных (30,5% — коренное население, 29,9% — диаспоры) отмечают большой отток местного населения в другие регионы или государства. Однако регионы российского приграничья не только являются регионами исхода местного населения, они также активно принимают мигрантов из других регионов страны, которые преимущественно вносят вклад в трансформацию и усложнение этнической структуры региона (18,2% — коренное

население, 14,0% — диаспоры), тогда как представители типичных для принимающего региона этносов приезжают в приграничные регионы существенно реже (9,0% — коренное население, 6,2% — диаспоры). Активный приток иностранных мигрантов также довольно очевиден для находящихся в транзите жителей регионов: его отметили 16,6% представителей мигрантов из числа коренного населения, 14% — диаспор. Поселения или кварталы, состоящие из мигрантов, резко отличающихся по языку и культуре от местного населения, пока еще не стали в российском приграничье типичным явлением: по 2,7% мигрантов в каждой подвыборке отметили такую проблему региона.

Количественные данные обработаны с использованием статистического пакета обработки данных SPSS 23.0. Для обоснования логики статистического вывода применены соответствующие природе данных (номинативной или количественной) и характеру распределений статистические методы (дисперсионный и факторный анализ, построение таблиц сопряженности с оценкой статистической значимости различий относительных показателей).

Результаты и обсуждение

Регионы российского приграничья являются зоной активных миграционных перемещений населения, причем налицо процесс замещения традиционных для территории этносов иноэтничными и инокультурными гражданами как России, так и иностранных государств. Т.е. приграничный регион активно выступает как в роли донора, так и реципиента мигрантов, находящихся на разных этапах транзита.

В 2018 г. рейтинговое агентство «Рейтинг» медиагруппы «Россия сегодня» подготовило рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Рейтинг построен на основе агрегирования ключевых показателей регионального развития за 2017 г. Результаты рейтинга позволяют судить о позициях того или иного региона на экономической карте России, которая, как и ранее, весьма неоднородна, а также определить динамику их развития. Методика построения рейтинга основывается на агрегировании различных показателей, объединенных в четыре группы: показатели масштаба экономики, показатели эффективности экономики, показатели бюджетной сферы, показатели социальной сферы. Рейтинг строился путем ранжирования субъектов РФ в порядке убывания по значению интегрального рейтингового балла. Интегральный рейтинг субъекта РФ определялся как среднее геометрическое рейтинговых баллов групп показателей. Рейтинговый балл субъекта РФ по каждой группе показателей определялся как среднее арифметическое рейтинговых баллов всех входящих в группу показателей¹.

Согласно интегральному рейтингу Алтайский край занимает 52-ю рейтинговую позицию (40,67 балла) и относится к регионам-«среднякам». Как же оцениваются перемещающиеся граждане регион, в котором они проживают? И насколько эти оценки будут стимулировать следующий этап транзита?

В таблице 1 представлено распределение оценок опрошенными, имеющими

¹ Информационный портал «Россия сегодня». URL: <https://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html> (дата обращения 22.10.2019).

опыт миграционных перемещений, вероятности дальнейшего транзита в зависимости от оценки социально-экономического положения региона, в котором они проживают, в региональных выборках. В Алтайском крае опрошенные, не имеющие намерений совершить переезд, чаще оценивают регион как скорее неблагоприятный, слаборазвитый (41,8%), так же как и большинство тех, кто хотел бы переехать в пределах региона (54,5%). Из имеющих установку на следующий шаг транзита за пределы региона или страны оценки региональной экономики и инфраструктуры более размыты: несмотря на то, что большая часть рассматривают край как слаборазвитый (41,2%), почти четверть (24,7%) считают его скорее благополучным, развитым, а треть (29,4%) — бедным и депрессивным.

Таким образом, видимо, в основе решения, связанного с очередным витком перемещений, лежат скорее не факторы оценки общего экономического развития территории проживания. Мы видим, что, несмотря на низкие оценки экономики субъекта, его жители не стремятся покинуть его пределы, а наличие высоких оценок развитости региона вовсе не препятствует дальнейшему транзиту.

Таблица 1

Миграционные установки мигрантов из числа граждан Российской Федерации на дальнейший шаг, %

миграционные намерения	Оценка социально-экономического статуса региона проживания					
	социально и экономически благополучный, развитый	скорее благополучный, развитый	скорее неблагоприятный, слаборазвитый	бедный, депрессивный, слаборазвитый	другой	затрудняюсь ответить
Не перееду	12,2	28,6	41,8	15,8	—	1,5
Внутрирегиональная миграция	—	18,2	54,5	18,2	—	9,1
Межрегиональная/межстрановая миграция	1,2	24,7	41,2	29,4	3,5	

Что все-таки движет, является основной мотивирующей силой дальнейшего транзитного перемещения? Опираясь на данные рисунка 1, можно сделать вывод об отсутствии какого-то одного однозначно доминирующего фактора, приводящего к транзиту. Так, множественные выборы опрошенных, имеющих опыт миграции, свидетельствуют о размытости побудительных мотивов перемещений, при этом статистически значительных различий между диаспоральными группами населения и представителями коренных этносов России не выявлено. Незначительно преобладают такие причины, как улучшение благосостояния (22% выборов населения

и 18,3% — диаспор), поиск работы (12,6% выборов населения и 11,6% — диаспор), а также обеспечение будущего детей (9,1% — выборы населения и 13,8% — диаспоральных сообществ).

Любопытно, что данный перечень мотивов носит исключительно экономический характер. Следуя логике, более благополучные условия жизни в регионе, высокие оценки его социально-экономического потенциала должны приводить потенциальных транзитных мигрантов к мысли о потенциале личного и профессионального развития именно в месте проживания, т.е. условия жизни в регионе и региональная экономика должны предопределять миграционные установки. Однако, согласно ранее представленным данным, такой вывод не нашел подтверждения.

Что направляет мигранта на дальнейший транзит — мечта о лучшей жизни, поиск более выгодных условий труда, недостижимые идеалы, какая-то иная мечта, стереотипные представления об обществах и государствах «всеобщего благоденствия»? Т.е. причины субъективного характера? Либо существуют причины социального, культурного, политического или иного характера, которые движут мигрантом? Причины, которые латентно формируют установку на транзит, обосновывая перемещение экономическими мотивами? Или прошлый опыт миграции убеждает индивида в том, что все возможно, что он в силах изменить свой жизненный путь, снижая восприятие рисков, связанных с миграцией? Или же причиной служит сам приграничный характер региона, где близость границ — не только физических, но культурных, экономических и мировоззренческих — опять-таки формирует установку на более безопасное и «прозрачное» для самого мигранта перемещение?

Рисунок 1 — Структура мотивов транзитных миграций постоянного населения Российской Федерации, множественные выборы, %

В таком случае, чем определяются оценки влияния мигрантов на общественную безопасность в регионе? Для выяснения этого мы использовали метод построения деревьев решений. В качестве предикторов были использованы такие переменные: возраст, пол, наличие детей, регион проживания, семейное положение, уровень материального достатка, отношение к религии, личное отношение к мигрантам. В полученную финальную модель вошли: регион проживания, возраст и переменная, описывающая отношение к мигрантам.

Итак, большинство приехавших и оставшихся до очередного шага миграции граждан в состоянии транзита (71,4%) полагают, что мигранты не представляют опасности. При этом положительное личное отношение к мигрантам парадоксальным образом ассоциируется с оценкой мигрантов как угрозы безопасности общества (59,7%). На последующем этапе классификации выявлено, что если транзитный мигрант считает регион проживания неблагополучным, то его оценки влияния мигрантов на безопасность будут более негативными (66% и 47,2% — среди тех, кто считает регион благополучным). Не видят в мигрантах угрозы чаще те, кто относятся к ним отрицательно (84,4%), считают свой регион благополучным (87,7%) и респонденты средней возрастной группы (94,2%).

В Алтайском крае максимально высокие оценки небезопасности мигрантов для региональных социумов видят и коренные этносы (41,7%), и представители диаспор (22,7%) (табл. 2).

Отметим, что при сохранении тенденции более позитивных оценок роли мигрантов в общественной безопасности представителями диаспор (83,1% из них не видят угроз безопасности, 16,9% — считают, что мигранты угрожают безопасности, а среди коренных этносов — 64,5% считают, что в присутствии мигрантов нет никаких угроз, 35,5% придерживаются противоположной позиции), внутри регионов тем не менее сохраняются схожие тренды оценки роли мигрантов.

Возможно, полученные выводы обусловлены тем, что мигрирующие представители коренных этносов России оценивают миграционные процессы и мигрантов через призму этнической инаковости, отсюда возникают более негативные оценки влияния мигрантов на общественную безопасность.

Таблица 2

Оценки влияния мигрантов на безопасность, %

	Влияние мигрантов на безопасность	
	мигранты не представляют угрозы	мигранты угрожают безопасности
Население	58,3	41,7
Диаспора	77,3	22,7

Что же в таком случае определяет оценки отношения населения к мигрантам? С целью предсказания характера отношения к мигрантам разных групп транзитных мигрантов мы использовали метод классификации с помощью построения деревьев

ев решений, куда в качестве предикторов были включены: возраст, наличие детей, семейное положение, уровень образования, уровень материального достатка, гендерный статус, миграционные установки на транзит, отношение к вере, отношение к мигрантам, оценка влияния мигрантов на безопасность. В финальную модель вошли: личное отношение к мигрантам, уровень образования, принадлежность к возрастной группе.

Любопытно, но считают отношение населения к мигрантам негативным те, кто сами положительно относятся к мигрантам (83,6%), позитивным — те, кто лично относится к мигрантам негативно (72,8%), а среди них усиливает «градус» позитивных оценок наличие образования любого уровня (77,9%), кроме среднего профессионального (61,3%). На четвертом этапе классификации усиливает проявления положительного отношения к мигрантам принадлежность к старшей возрастной группе (75,6%).

Далее рассмотрим, насколько сами транзитные мигранты из числа жителей региона ощущают себя в безопасности в приграничном социуме.

Мы видим, что в Алтайском крае высоки оценки личной безопасности как населения коренных этносов, имеющего опыт миграции (74,7%), так и представителей диаспор, которые в целом даже выше (83,6%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что оценки личной безопасности носят выраженный субъективный характер (табл. 3).

Таблица 3

Самооценки безопасности/небезопасности транзитных мигрантов из числа граждан приграничных регионов, %

	Безопасность	
	в безопасности	не в безопасности
Население	74,7	25,3
Диаспора	83,6	16,4

Рассмотрим, существует ли взаимосвязь между безопасным/небезопасным положением транзитных мигрантов в регионах и их миграционными установками. Согласно данным рисунка 2, нельзя сделать вывод о том, что ощущение риска, актуальной угрозы личной безопасности стимулирует миграционные намерения и соответственно следующий шаг транзита. Во всяком случае, это справедливо для группы мигрантов, относящихся к коренным этносам России: доли внутрирегионального транзита среди находящихся в состоянии риска (9,3%) и находящихся в безопасности (8,1%) существенно не варьируют, равно как и тех, чьи миграционные намерения связаны с переездом за пределы страны/региона (29% среди рискующих и 27,6% — находящихся в безопасности).

Среди диаспор транзитных мигрантов, чувствующих себя небезопасно, почти в полтора раза больше, чем среди ощущающих отсутствие угроз и рисков. Так, следующий пункт перемещения в другие регионы России или вообще другие страны

чаще (41,3%) видят мигранты, чувствующие себя небезопасно, чем находящиеся в безопасном положении (28%), но имеющие четкие намерения транзита за пределы региона. Среди диаспор, находящихся в небезопасном положении, доля имеющих установку на внутрирегиональное перемещение выше (7,5%), чем среди чувствующих себя безопасно (4,4%).

Таким образом, представители диаспоральных сообществ оценивают свою безопасность в региональном пространстве ниже, чем представители коренных этносов, что может выступать одним из выталкивающих факторов, стимулирующих очередной этап транзитного движения мигранта. Хотя обратим внимание, что доля тех, кто осознает себя в небезопасном положении, составляет больше половины как среди коренных этнических групп транзитных мигрантов (61,7%), так и среди диаспоральных сообществ (51,3%). Т.е. наличие рисков и угроз личной безопасности не всегда подталкивает к транзиту, мигранты остаются стационарными несмотря на такие обстоятельства. Видимо, существуют причины, которые удерживают мигранта на месте, вынуждая откладывать очередное перемещение.

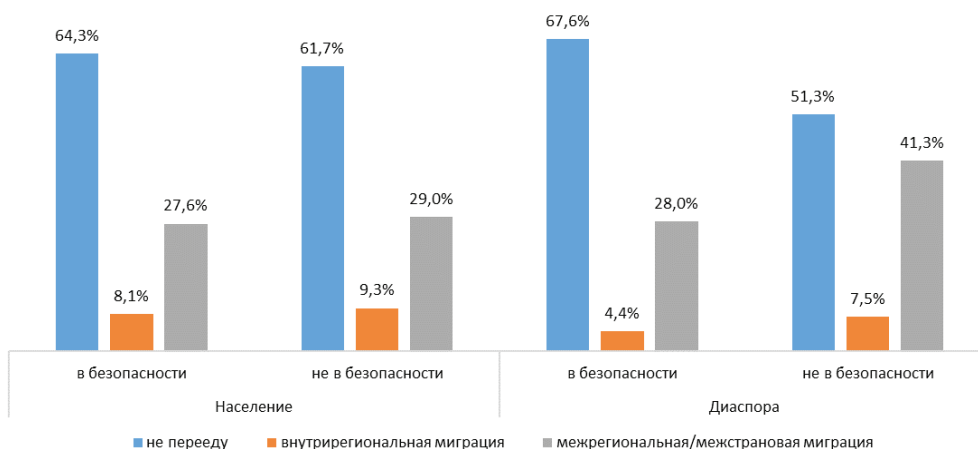

Рисунок 2 — Направления миграционных намерений транзитных мигрантов в зависимости от оценки личной безопасности в регионе, %

С целью выяснения причин, формирующих общее ощущение безопасности или небезопасности жизни в приграничном регионе, в модель для предсказания чувства безопасности в качестве предикторов были включены переменные: принадлежность к возрастной группе, наличие детей, семейное положение, уровень образования, уровень материального достатка, гендерный статус, регион проживания, отношение к религии, отношение к мигрантам, оценка влияния мигрантов на безопасность, отношение к мигрантам коренного населения региона. В финальную модель вошли: оценка влияния мигрантов на безопасность, оценка отношения населения к мигрантам, личное отношение к мигрантам.

На первом этапе классификации выявлена связь между ощущением безопасности и оценкой влияния мигрантов на безопасность в регионе: если опрошенный уверен в негативном влиянии мигрантов на безопасность, то он с большей долей вероятности будет считать себя не в безопасности (41,3%, среди не видящих угрозы от мигрантов — 21,7%).

На втором этапе классификации выявлено, что если опрошенный видит угрозу в пребывании на территории России мигрантов, то в определении собственной безопасности на него будет влиять общественное мнение, которое может либо усилить (48%, если оно негативно), либо ослабить общее ощущение нависшей угрозы (25,8%, если позитивно). Если опрошенный не согласен с утверждением негативного влияния на безопасность, то его личные риски будут связаны с оценкой социально-экономического положения региона: негативные оценки связаны с личной угрозой (31%) в большей степени, чем положительные (15%).

Согласно третьему этапу классификации, если не связывающий свои личные риски с угрозой мигрантов индивид проживает в благополучном, развитом, как ему кажется, регионе, то усилит чувство небезопасности жизни его личное отношение к мигрантам, причем положительное отношение приводит к большему ощущению небезопасности (25,4%), чем отрицательное (13,3%).

Таким образом, в представлениях населения ощущение безопасности все-таки связано в первую очередь с присутствием мигрантов в российском приграничье, далее имеет значение распространенность негативных социальных стереотипов о миграции и мигрантах, усиливает опасность и низкий социально-экономический статус региона проживания. Возможно, проблема миграций и транзитных миграционных потоков в приграничье стала актуальной и очевидно попадающей в фокус внимания их жителей, жители рефлексируют по поводу роли мигрантов в региональном пространстве и соотносят их присутствие (что было продемонстрировано на предыдущих этапах при проведении процедур факторного анализа) с угрозой общественной, социальной и личной безопасности коренных жителей, к которым транзитные мигранты причисляют и себя.

Рассмотрим, что представляет собой оценка миграции, роли миграционных процессов и мигрантов как таковых жителями Алтайского края, имеющими опыт миграции, находящимися в ситуации транзита. На основе полученных балльных оценок миграции и связанных характеристик проведен факторный анализ на подвыборках населения, имеющих опыт миграции и относящихся к коренным и диаспоральным этносам.

Итак, на агрегированных данных для коренного населения, имеющих опыт транзитной миграции, было выделено три значимых фактора. В Алтайском крае факторы описывают соответственно 43,9%, 39,5% и 16,6% дисперсии. Первый фактор включает переменные, описывающие ($\lambda=5,3$) роль мигрантов в решении проблем демографии (0,971) и нехватки квалифицированных кадров (0,960) при одновременном ограничении прав мигрантов и негуманном отношении к ним. Второй фактор ($\lambda=2,5$) описывает возможности мигрантов решить проблемы экономического развития (0,984) и усиление конкуренции на рынке труда (0,88) при ухудшении

криминогенной обстановки (0,921). Третий фактор ($\lambda=1,99$) содержит переменные этнокультурного характера — изменение культурной среды (0,798), размывание традиционной культуры (0,924) при высоких отрицательных нагрузках переменной, описывающей качественный и более дешевый труд мигрантов (табл. 4).

Можно предположить, что оценки миграции и миграционных процессов определяются прежде всего типом той потребности региона, которую восполняют миграционные процессы. В зависимости от того, какие проблемы являются преобладающими в регионе — экономические или демографические, отражающиеся на рынке труда, будет определяться приоритетная роль мигрантов. В случае снижения остроты проблем экономического и демографического развития или в национальных республиках на первый план выступает роль мигрантов в формировании этнического пространства культуры, размывания традиций, особенно в случае, если этническая культура мигрантов становится «слишком заметной» в этническом ландшафте приграничного региона.

Таблица 4

Результаты факторного анализа. Матрицы компонентных нагрузок после вращения

Фактор	Алтайский край		
	1	2	3
Развитие экономики	-,063	,984	,167
Этническое и культурное обогащение	,195	,570	,798
Конкуренция на рынке труда	,455	,868	-,198
Ограничение прав мигрантов	,880	,444	-,171
Гуманное отношение к мигрантам	-,897	-,297	,327
Качественная и дешевая работа мигрантов	,363	,141	-,921
Улучшение демографии	,971	-,161	,179
Восполнение нехватки высококвалифицированных специалистов	,960	,082	,268
Ухудшение криминогенной обстановки	,009	,921	,389
Размывание традиционной культуры	,172	,340	,924
Распространение заболеваний и инфекций	,849	-,444	-,285
Формирование негативных стереотипов о миграции	-,181	,755	,631

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

Сами стоящие на пути миграции, транзитные мигранты имеют свое особое отношение к мигрантам, поскольку уже успели осознать себя частью регионального социума и приобщиться к проблемам региона. С этой целью респондентам задавался соответствующий вопрос, содержащий четырехбалльную шкалу оценки личного отношения к мигрантам. В попытках предсказать возможное негативное или позитивное отношение к мигрантам таких групп населения, мы также использовали метод построения деревьев классификации (или деревьев решений). Это метод, по-

звolyающий предсказывать принадлежность наблюдений или объектов к тому или иному классу категориальной зависимой переменной в зависимости от соответствующих значений одной или нескольких предикторных переменных¹.

Цель построения деревьев классификации заключается в предсказании (или объяснении) значений категориальной зависимой переменной, что позволяет последовательно изучать эффект влияния отдельных переменных. Способность деревьев классификации выполнять одномерное ветвление для анализа вклада отдельных переменных дает возможность работать с предикторными переменными различных типов. В качестве зависимой переменной использована отражающая личное отношение к мигрантам (для удобства восприятия мы суммировали положительные и скорее положительные, отрицательные и скорее отрицательные оценки, чтобы сместить предсказания к тому или иному полюсу). В качестве предикторов — принадлежность к возрастной группе, наличие детей, семейное положение, уровень образования, уровень материального достатка, гендерный статус, оценка влияния мигрантов на безопасность, отношение к религии.

Рисунок 3 — Дерево решений для предсказания характера отношения к мигрантам

¹ StatSoft, Inc. (2012). Электронный учебник по статистике. URL: <http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm>.

В итоге в финальную модель вошел только один предиктор — оценка влияния мигрантов на безопасность. Большинство респондентов (72,7%), сами являясь мигрантами, не так давно принятыми в региональном сообществе, отрицательно относятся к мигрантам. Видимо, являясь гражданами России, адаптировавшись в принимающем сообществе, транзитные мигранты становятся на иные, близкие к аборигенному «стационарному» населению позиции. При этом усиливает негативное отношение к мигрантам осознание не исходящей от них угрозы, а, наоборот, ее отсутствие (рис. 3).

Выводы

Большинство респондентов, сами являясь мигрантами, не так давно принятыми региональным обществом, отрицательно относятся к мигрантам. Видимо, являясь гражданами России, адаптировавшись в принимающем сообществе, транзитные мигранты становятся на иные, близкие к аборигенному «стационарному» населению позиции. При этом усиливает негативное отношение к мигрантам осознание не исходящей от них угрозы, а, наоборот, ее отсутствие.

Оценки личной безопасности мигрантов носят выраженный субъективный характер. При этом нельзя сделать вывод о том, что ощущение риска, актуальной угрозы личной безопасности стимулирует миграционные намерения и соответственно следующий шаг транзита. Во всяком случае, это справедливо для группы мигрантов, относящихся к коренным этносам России: доли внутрирегионального транзита среди находящихся в состоянии риска и находящихся в безопасности существенно не варьируют, равно как и тех, чьи миграционные намерения связаны с переездом за пределы страны/региона.

Представители диаспоральных сообществ оценивают свою безопасность в региональном пространстве ниже, чем представители коренных этносов, что может выступать одним из выталкивающих факторов, стимулирующих очередной этап транзитного движения мигранта. Хотя обратим внимание, что доля тех, кто осознает себя в небезопасном положении, составляет больше половины как среди коренных этнических групп транзитных мигрантов, так и среди диаспоральных сообществ. Т.е. наличие рисков и угроз личной безопасности не всегда подталкивает к транзиту, мигранты остаются стационарными, несмотря на такие обстоятельства. Видимо, существуют причины, которые удерживают мигранта на месте, вынуждая откладывать очередное перемещение.

В представлениях населения ощущение безопасности все-таки связано в первую очередь с присутствием мигрантов в российском приграничье, далее имеет значение распространенность негативных социальных стереотипов о миграции и мигрантов, усиливает опасность и низкий социально-экономический статус региона проживания. Возможно, проблема миграций и транзитных миграционных потоков в таком приграничном регионе, как Алтайский край, стала актуальной и попадающей в фокус внимания жителей, жители рефлексируют по поводу роли мигрантов в региональном пространстве и соотносят их присутствие с угрозой общественной, социальной и личной безопасности коренных жителей, к которым транзитные мигранты причисляют и себя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Adams R.H. Do International Migration and Remittances Reduce Poverty in Developing Countries? *World Development*, 2005, 33(10), 1645–1669.
- Adams R.H., Cuecueccha A., Page J. Remittances, Consumption and Investment in Ghana. *Policy Research Working Paper*, 2008, 4515.
- Azam J.P., Gubert F. Migrants' Remittances and the Household in Africa: A Review of the Evidence. *Journal of African Economies*, 2006. 15(2), 426–462.
- Chami R. Remittances and Institutions: Are Remittances a Curse? *IMF Working Paper WP/08/29*. 2008.
- Docquier F., Rapoport H., Shen I.-L. Remittances and Inequality: A Dynamic Migration Model. *Journal of Economic Inequality*, 2010, 8(2), 197–220.
- Giuliano P., Ruiz-Arranz M. Remittances, Financial Development and Growth. *IMF Working Paper Series*, WP/05/234. 2005.
- Gott C., & Johnston K. The migrant population in the UK: Fiscal effects. *The Research, Development and Statistics Directorate Occasional Paper*, No. 77, Home Office. 2002.
- Gupta S., Pattillo C., & Wagh S. Impact of Remittances on Poverty and Financial Development in Sub-Saharan Africa. *IMF Working Paper*, WP-07-38, IMF. 2007.
- IMF (International Monetary Fund). Implementation of the Joint Management Action Plan on Bank-Fund Collaboration. *International Monetary Fund and World Bank*. 2010. URL: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2010/030310.pdf>.
- Kremer M., Watt S. The Globalization of Household Production. *Working Paper 2008–0086*, Weatherhead Center for International Affairs, Harvard University, 2006.
- Maximova S., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. Social Risks and Vulnerability of Labor Migrants in the Russian Borderland. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. 73–80. doi:10.15405/epsbs.2019.04.02.10. 2019.
- Maximova S.G., Morkovkina A.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E., Maximova M.M. Gender peculiarities of the attitude of Russians to migration. In: *Procedia — 4th EER International Conference on Social Sciences and Interdisciplinary Studies*, August 18-20, 2018. Palermo, Sicily, Italy.
- Toxopeus H., Lensink R. Remittances and Financial Inclusion in Development. *UNU-WIDER Research Paper*, 2007/49, Helsinki. 2017.
- UNDP (United Nations Development Program). *Overcoming Barriers: Human Mobility and Development*. United Nations Development Program, New York. 2019.
- World Bank. *Global Economic Prospects 2006: Economic Implications of Remittances and Migration*. World Bank, Washington DC. 2006.
- Yang D., Choi H. Are Remittances Insurance? Evidence from Rainfall Shocks in the Philippines. *The World Bank Economic Review*, 2007, 21(2), 219–248.

REFERENCES

- Adams, R.H. (2005). Do International Migration and Remittances Reduce Poverty in Developing Countries? *World Development*, 33(10), 1645–1669.
- Adams, R.H., Cuecueccha, A., Page J. (2008). Remittances, Consumption and Investment in Ghana. *Policy Research Working Paper*, 4515.
- Azam, J.P., Gubert, F. (2006). Migrants' Remittances and the Household in Africa: A Review of the Evidence. *Journal of African Economies*, 15(2), 426–462.
- Chami, R. (2008). Remittances and Institutions: Are Remittances a Curse? *IMF Working Paper* WP/08/29.
- Docquier, F., Rapoport, H., Shen, I.-L. (2010). Remittances and Inequality: A Dynamic Migration Model. *Journal of Economic Inequality*, 8(2), 197–220.
- Giuliano, P., Ruiz-Arranz, M. (2005). Remittances, Financial Development and Growth. *IMF Working Paper Series*, WP/05/234.
- Gott, C., Johnston, K. (2002). The migrant population in the UK: Fiscal effects. *The Research, Development and Statistics Directorate Occasional Paper*, no. 77, Home Office.
- Gupta, S., Pattillo, C., Wagh, S. (2007). Impact of Remittances on Poverty and Financial Development in Sub-Saharan Africa. *IMF Working Paper*, WP-07–38, IMF.
- IMF (International Monetary Fund) (2010). Implementation of the Joint Management Action Plan on Bank-Fund Collaboration. *International Monetary Fund and World Bank*. Available at: <http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2010/030310.pdf>.
- Kremer, M., Watt, S. (2006). *The Globalization of Household Production*. Working Paper 2008-0086, Weatherhead Center for International Affairs, Harvard University.
- Maximova, S., Omelchenko, D.A., Noyanzina, O.E. (2019). Social Risks and Vulnerability of Labor Migrants in the Russian Borderland. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. 73–80. doi:10.15405/epsbs.2019.04.02.10. 2019.
- Maximova, S.G., Morkovkina, A.G., Omelchenko, D.A., Noyanzina, O.E., Maximova, M.M. (2018). Gender peculiarities of the attitude of Russians to migration. In: *Proceedia — 4th EER International Conference on Social Sciences and Interdisciplinary Studies, August 18-20, 2018*. Palermo, Sicily, Italy.
- Toxopeus, H., Lensink, R. (2007). Remittances and Financial Inclusion in Development. *UNU-WIDER Research Paper*, 2007/49, Helsinki.
- UNDP (United Nations Development Program) (2009). Overcoming Barriers: Human Mobility and Development. *United Nations Development Program*, New York.
- World Bank (2006). Global Economic Prospects 2006: Economic Implications of Remittances and Migration. *World Bank*, Washington DC.
- Yang, D., Choi H. (2007). Are Remittances Insurance? Evidence from Rainfall Shocks in the Philippines. *The World Bank Economic Review*, 21(2), 219–248.